

УДК 347.15(476)

**ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ МОДЕЛИ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ДОНОРСТВА И ТРАНСПЛАНТАЦИИ****О. Г. БУШУНОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н. А. БЕСЕЦКАЯ)*

Анализируется действующее белорусское законодательство, регулирующее отношения, складывающиеся при осуществлении трансплантации, раскрываются основные положения, закрепленные Законом Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека». Выявляются особенности правового регулирования правоотношений трансплантации.

Введение. Лечение человека посредством пересадки органов с момента начала своего развития продолжает стремительное совершенствование по сей день. Трансплантация с каждым годом применяется все чаще, логично предположить, что правовое регулирование этого процесса должно развиваться в соответствии с изменениями в этой сфере.

Операции по пересадке тканей и органов человека стали проводиться на территории Беларуси более 50 лет назад, а вместе с этим развивалось и законодательство в данной сфере. В настоящее время Республика Беларусь находится на высокой позиции по количеству проходимых операций по пересадке органов человека среди других государств [1]. Такое стремительное развитие общественных отношений часто опережает их правовое регулирование. Многие правовые аспекты не подверглись научному обоснованию, поскольку отечественными авторами не проводились комплексные исследования. При этом законодательство, регулирующее отношения донорства и трансплантации, обладает определенной спецификой. В связи с отмеченным целью данной статьи является выявление на основе анализа действующего законодательства о трансплантации особенностей правового регулирования в Республике Беларусь указанных общественных отношений.

Основная часть. Основным нормативным правовым актом в области трансплантологии в Республике Беларусь является Закон «О трансплантации органов и тканей человека» от 4 марта 1997 года (далее – Закон) [2]. Он состоит из 13 статей и закрепляет основные термины, вопросы международного сотрудничества в сфере трансплантации органов, права и обязанности донора, условия забора органов и иное. При этом в период с 2007 по 2021 год в Закон четырежды изменялся и дополнялся.

В статье 1 Закона даются определения таким понятиям, как «трансплантация», «живой донор» и «умерший донор», «забор органов», «смерть», «перекрестная трансплантация», «гомеопатические стволовые клетки», а также «родственники» и «близкие родственники». При этом под трансплантацией понимается замещение у реципиента путем проведения медицинского вмешательства отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями человека, полученными в результате забора органов [2]. По мнению Г. А. Василевича, Д. Г. Василевича, отсюда вытекает, что при пересадке органов или тканей реципиент может одновременно быть и донором для самого себя (такое часто происходит при пересадке тканей человека) [3, с. 4-5]. Реципиентом признается лицо (пациент), которому осуществляется трансплантация [2].

Из положений Закона следует, что круг субъектов, участвующих в данных правоотношениях, не ограничивается только донором и реципиентом. К верно полагают Г. А. Василевич и Д. Г. Василевич, к необходимо относить и близких родственников донора, и учреждение здравоохранения [3, с. 5]. Однако частные учреждения здравоохранения не могут осуществлять трансплантацию или забор органов, что вытекает из статьи 6 Закона, в которой такое право закрепляется исключительно за государственными учреждениями здравоохранения [2].

В Законе различается правовой статус живого и умершего донора. Под умершим донором понимается тело человека, у которого после смерти осуществляется забор органов для трансплантации реципиенту. В свою очередь, живой донор – это лицо, добровольно давшее на забор органов и (или) тканей человека для трансплантации [2].

Круг живых доноров ограничен, поскольку ими не могут быть лица, указанные в статье 7 Закона [2]. При этом данная статья на протяжении действия Закона существенно изменилась. Так, по сути, живыми донорами на сегодняшний момент могут быть только супруги и родственники реципиента. Однако это исключение не касается ситуаций, связанных с забором костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток, перекрестной трансплантации. Следует при этом обратить внимание на то, что органы и ткани несовершеннолетних могут быть использованы только в случае забора костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток.

Изменения претерпела и применяемая терминология. В частности, в редакции 2007 года Закон оперировал термином «трупный донор», но уже в 2012 году он был заменен на «умерший донор». При этом

содержательная сторона осталась неизменной [2]. При этом разработчиками данного нововведения указывалось на логическое противоречие, поскольку тело человека с признаками окоченения и трупными пятнами не пригодно для забора органов. Для целей трансплантации оно должно сохранять возможность поддержки дыхания, газообмена, кровообращения при фиксации смерти головного мозга [4, с. 39]. Однако в определении понятия «умерший донор» указанные признаки не зафиксированы.

Правовая регламентация условий забора органов и тканей поставлена в Законе в зависимости от физического состояния донора. Частности, в соответствии с абз. 3 ст. 8 забор органов у живого донора возможен при наличии добровольного согласия, а у умершего – согласно ч. 2 ст. 11 только в случае отсутствия заявления о несогласии на забор после смерти [2].

Кроме того, для забора органов у живого донора требуется соблюдение следующих условий: предупреждение лечащим врачом донора в письменной форме о возможности ухудшения его здоровья в результате забора органов; проведение медицинского осмотра живого донора; наличие заключения врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения о возможности забора у него органов для трансплантации; обязательное письменное уведомление государственной организацией здравоохранения Министерства внутренних дел о предстоящем заборе органов для трансплантации у живого донора [2].

Забор органов у умершего донора разрешается с момента констатации смерти. При этом если при жизни такое лицо (до его смерти) заявило о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти в порядке, установленном Законом, такой забор невозможен. Кроме этого, изъятие органов и тканей не допускается также еще в нескольких случаях: во-первых, если заявление о несогласии на забор органов для трансплантации было сделано супругом (супругой), а при его (ее) отсутствии – одним из близких родственников или законным представителем умершего донора; во-вторых, если государственная организация здравоохранения была поставлена в известность о несогласии лица на забор органов для трансплантации до его смерти путем устного или письменного заявления в присутствии врача-специалиста (врачей-специалистов), других должностных лиц государственной организации здравоохранения, иных лиц, которые могут засвидетельствовать такой отказ. При этом близкие родственники, супруг (супруга) или законный представитель донора наделены также правом на отзыв своего заявления о несогласии [2].

Следует подчеркнуть, что юридическая модель презумпции согласия применяется в отечественном законодательстве как в отношении трансплантации применительно к совершеннолетнему, так и несовершеннолетнему умершему донору. Такой широкий подход, полагаем, вместе с тем может вызвать этические проблемы и может стать причиной возникновения конфликтных ситуаций. Например, в Федеральном Законе «Об основах охраны здоровья граждан» в России применительно к забору органов у умершего несовершеннолетнего донора применяется противоположная юридическая модель – презумпции несогласия (испрошенного согласия) [5, с. 298].

В соответствии со статьей 1 Закона «органами и (или) тканями человека» признаются анатомические образования (целые органы, фрагменты органов, комбинации клеток), не определяющие отличительных черт личности. Несмотря на то, что органы и ткани не могут быть объектами гражданско-правовых сделок, согласно статье 5 Закона из этого правила есть исключение. В частности, Закон допускает совершение в отношении них сделок, носящих безвозмездный характер [2]. Однако гражданско-правовой режим таких объектов прав в гражданском законодательстве не определен, что, на наш взгляд, должно быть урегулировано.

Важной новеллой стало введение в Закон понятия «перекрестная трансплантация», т.е. трансплантация, в которой участвуют не менее двух пар, каждая из которых состоит из живого донора и реципиента, являющихся друг другу родственниками или супругами, иммунологически несовместимых между собой, при этом живой донор из одной пары иммунологически совместим с реципиентом из другой пары и наоборот [2]. Это создает необходимые правовые условия расширения возможности использования донорских материалов.

Закреплена также новая форма международного сотрудничества, в частности, путем обмена органами и (или) тканями человека в целях оптимального подбора пар донор – реципиент [2]. Такое сотрудничество допускается только государственными организациями здравоохранения, которые занимаются трансплантацией, и на безвозмездной основе.

Необходимо отметить, что действующее законодательство не исчерпывается только Законом «О трансплантации органов и тканей человека». В развитие его положений был принят ряд нормативных правовых актов, в частности: приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 2 мая 2012 г. № 483 «Об утверждении Инструкции о порядке организации деятельности анестезиолого-реанимационной службы», постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 августа 2012 г. № 134 «О некоторых вопросах трансплантации органов и тканей человека», постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18 марта 2013 № 19 «Об утверждении Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации» и др. Это свидетельствует об особом отношении государства к данной сфере общественных отношений, что выражается в императивном, детализированном регулировании различных вопросов [6, с. 99].

Выводы. Таким образом, действующее законодательство закладывает основные положения, создающие необходимые правовые условия развития отношений донорства и трансплантации в Республике Беларусь. Следует согласиться с мнением Д.В. Бабича о том, что его состояние демонстрирует сбалансированность и соблюдение интересов всех сторон процесса трансплантации [6, с. 99]. В частности, в равной степени защищаются права как донора, так и реципиента. Однако вне правового воздействия остается еще ряд вопросов, касающихся гражданско-правовых аспектов рассматриваемых отношений. Вследствие этого, законодательство о трансплантации нуждается в дальнейшем совершенствовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трансплантация донорских органов в мире в 2018 году [Электронный ресурс] // RusTransplantant. – Режим доступа: <https://rustransplant.com/chislo-transplantaciy-v-mire-uvelichilos/>. – Дата доступа: 22.09.2022.
2. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2021 г. // Эталон – Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Василевич, Г. А. Трансплантация органов и тканей человека: основы правового статуса донора и реципиента / Г. А. Василевич, Д. Г. Василевич // Журнал Белорусского государственного университета. – 2018. - № 2. – С. 3–11.
4. Анцух, Н. С. Использование стандартов Совета Европы для совершенствования национального законодательства в сфере медицины / Н. С. Анцух. Минск : Четыре четверти, 2013. – 92 с.
5. Иванюшкин, А. Я. Правовые и социокультурные проблемы легитимизации нового критерия смерти ("смерть мозга") в отечественной педиатрии / А. Я. Иванюшкин, О. В. Попова, И. Е. Смирнов // Российский педиатрический журнал. – 2017. – Т. 20, № 5. – С. 294–300.
6. Об изменении законов по вопросам судебной-экспертной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2021г., № 120-З // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Бабич, Д. В. Особенности законодательства, регламентирующего отношения в сфере трансплантации в Республике Беларусь / Д. В. Бабич // Образование и право. – 2019. – № 9. – С. 94–100.